

Любимая, выйдем с утра
на берег, что назван крылечком...
Весеннее солнце вчера
нас грело огнём скоротечным,
казалось, что лето грядёт...
А утром —
ты видишь воочью, —
снежинок безумный полёт,
начавшийся нынешней ночью.

Засыпан расхристанный сад
в последнем снегу по колена.
Тяжёлый густой снегопад —
зимы сверхурочная смена.

Сосулькой застыла капель...
Туман по стеклу я размажу...

Над Суйдою месяц апрель
прядёт беспросветную пряжу.

Берёза опять в кружевах.
на лужах — хрустальная кромка.
В твоих безвоздушных следах
дары свои — прячет позёмка.

А жизнь —
наш единственный дар
любви, снизошедшей,
как милость, —
приветствуя снежный пожар,
прощаясь,
над нами склонилась.

На губах беспросветно горчит
поднебесная снежность
кристалла...
Как банально, пожалуй, звучит
сообщенье, что осень настала!
Но приходится вновь говорить
О тревожной упругости истин,
что живут для того, чтобы жить
в душах тех, кто ещё бескорыстен.
Тех, кому даже ковшик воды
вы едва ль перед смертью
нальёте...

Видишь, Суйда, —
не тают следы
на таинственном белом налёте.

И шаги — приглушенной стократ.
И коровы теряют удоиность.
И штакетник подгнивших оград
обретает чертежную
стройность.

Не тревожь этот мир,
что застыл
на нуле,
между солнцем и хладом.
Но ступай на истлевший настил
между волей
и твёрдым окладом,
и, кляня потухающий взгляд,
растворяясь в озябшей природе, —
не спеши оболгать Листопад
за наивную тягу к свободе.

ЗИМНИЙ ВЕЧЕР В СУЙДЕ

В. Рыбаковой

Огонь в печи, как быль.
Кружится голова...
Забудь высокий штиль
и звонкие слова.

Как рыбы верим мы
обманчивой блесне.
А здесь — поля страны
заносит белый снег.

Но если врубишь свет
лишь все сокроет мгла —
идет лицейский век
по улицам села.

И где-то там, вдали,
спеша к огню крыльца,
летит с полей земли
дрожащее бубенца.

* * *

Который час?
Рассвет несносен:
он отверзает мне глаза
и по щекам крещенских сосен
скользит янтарная слеза.

Щемящий скрип стволов
петровских
Наполнил Суйду тишиной.
И сны, как шустрые подростки
скользят на лыжах
вслед за мной;

и вдруг,
смирная вещей норы,
ложатся в снѣги невпопад,
то вдаль соломенных заборов,
то вдоль кладбищенских оград.

1988

* * *

Полузабытый суйдинский погост;
Упругий посвист
перелётной птички;

Да кровь рябины склёвывает дрозд;
Да тишину пронзают электрички.

Цементовоз лениво вдаль пылит,
пренебрегая мрачностью коровьей.
И лишь сверкает нищенский гранит
дельцами полированных надгробий.

О, если б знали «Зодчие идей»,
в мощну народа вперившие взгляды,
на что уходят у простых людей
их — среднестатистические
вклады!

Пусть помнят те,
кто Евроконтинент
ещё питают русскими дарами,
что молодеет
скорбный контингент,
оплаканный седыми стариками.

Но светлый труд придёт
к иным рукам.

И лишь приснится
будущим колосьям,
какие жертвы принести
пришлось нам,
чтоб Русь цвела,
назло своим врагам.

1990

* * *

Слепая молодость не зрит
ту пропасть,
что за речкой Летой.
И, затянувшись сигаретой,
секунды чахлые бодрит.

А ночь застынет на снегу,
чтоб жизнь казалась бесконечной,
как звёздный путь
густой и млечный,
как поступь ходиков в пургу.

Войдём в тепло — огонь погас,
и вдруг поймём под вьюги пенье:
лишь старость возвратит

нам зренье,
На краткий, но счастливый час.

1990